

5. *Адорно*. Эстетическая теория
6. *Адорно*. Эстетическая теория
7. *Хабермас*. Моральное сознание и коммуникативное действие

А. В. Касаткин
УрГУ им. А. М. Горького

РАДИКАЛЬНЫЙ КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ И ЧЁТКОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ

В своём докладе мы хотели бы рассмотреть те следствия, которые влечёт за собой принятие теории радикального конвенционализма Казимира Айдукевича. Суть её заключается в утверждении о том, что наши суждения, составляющие картину мира, не определяются однозначно эмпирическими данными, а зависят также от понятийного аппарата, который мы выбираем для интерпретации этих данных. Тезис этот, по нашему мнению, очень правдоподобен и весьма обстоятельно доказан автором, посему принятие позиции радикального конвенционализма кажется вполне оправданным. Однако Айдукевич в доказательстве своей точки зрения приводит некоторые соображения, которые, на наш взгляд, являются противоречащими действительному положению дел, влекут за собой крайне пессимистичные для познавательной деятельности следствия, и при этом не являются необходимыми для доказательства основного положения теории. Рассмотрим же их подробнее.

В аргументации своей теории, Айдукевич рассматривает замкнутые согласованные языки. Замкнутость языка означает то, что в него нельзя добавить ни одного не синонимичного выражения, сохранив согласованность. Согласованность предполагает то, что в языке нет ни одного выражения, которое не было бы непосредственно связано по значению со всеми остальными выражениями языка. Непосредственно связанными по значению выражениями называются те, которые фигурируют в одних и тех же предложениях, закреплённых правилами значений языка. Множество всех значений выражений языка образуют его понятийный аппарат. Понятийные аппараты двух замкнутых согласованных языков могут либо совпадать (если есть хотя бы одно выражение первого языка, которое было бы непосредственно связано с хотя бы одним

выражением второго языка), и тогда языки называются взаимопереводимыми; либо совсем не иметь общих мест (ни одно выражение одного языка не связано непосредственным образом с выражениями другого) – тогда языки взаимонепереводимы. Вот как сам Айдукевич поясняет отличие замкнутого согласованного языка от языков обыденных: «...с обычной точки зрения, когда два человека пользуются одними и теми же выражениями немецкого языка, но связывают с ними значения несколько (хотя и не слишком) различные, считается, что они оба говорят на одном и том же языке (в обычном понимании этого слова). Согласно же нашему пониманию, эти люди говорят на разных языках, поскольку для идентичности используемых ими языков необходимо, чтобы они (говорящие) связывали с одними и теми же выражениями в точности одинаковые значения»[1]. Здесь мы видим ещё одну особенность рассматриваемых автором языков, причём особенность фундаментальную, от которой зависят все остальные характеристики – у каждого выражения в языке должно быть одно чётко закреплённое значение. Если бы такого значения не было, как можно было бы говорить о замкнутости, связности и переводимости?

Но тут то и кроется главная проблема. Возможен ли язык, все выражения которого имеют чётко закреплённое значение? Пожалуй, мы можем предположить такой язык, но носителем его будет только один человек. Опыт каждого человека уникален, и посему в понятийный аппарат его языка включены такие значения, которые недоступны для других. Как минимум те значения, которые приписаны по эмпирическим правилам значений, но этого вполне достаточно, ведь в терминах Айдукевича если хоть одно значение в понятийном аппарате не имеет синонима в другом понятийном аппарате, то языки, которым принадлежат эти понятийные аппараты, являются взаимонепереводимыми. Но если каждый из нас говорит на своём, принципиально непереводимом языке, то как же возможно взаимопонимание между людьми?

Мы думаем, что для решения этой проблемы нужно признать относительность некоторых характеристик. Например, чёткость значения представляется нам не единственным значением, но более или менее широким множеством значений. Тогда нет никакой принципиальной разницы между языками в понимании Айдукевича и языками «с обычной точки зрения», а отличаются они лишь шириной круга значений – значения выражений естественных языков просто

менее чётки, чем искусственных. В таком случае вообще довольно трудно провести границу между разными языками по понятийному аппарату, посему такие характеристики, как согласованность и замкнутость, вряд ли определимы (интуитивно можно предположить, что это будет открытый согласованный язык, но более точное исследование этих характеристик не входит в запланированные объёмы данного доклада). Являются ли переводимыми такие нечёткие языки? Мы считаем, что переводимость их тоже относительная: мы можем передать пусть не весь смысл, но хоть какую-то часть его. Причём кажется вполне правдоподобной такая закономерность: чем меньше чёткость языка, тем выше переводимость. Выражения обыденного языка очень богаты смыслами, и найти среди них более-менее подходящий для перевода проще, чем в чётком и выверенном искусственном языке, например, научном. Поэтому, возможно, научная терминология так богата иностранными словами: вследствие невозможности перевода более чёткого смысла на другой язык за неимением в нём синонимов этому смыслу, предпочитают интегрировать иноязычное выражение вместе с его значением. Определение понятия можно считать переводом выражения более чёткого языка на язык менее чёткий.

Однако то, что мы переместили акцент с замкнутых связанных языков на открытые языки с нечёткими значениями, не отменяет, как мы считаем, их конвенциональной природы. Конвенция эта не выглядит такой строгой, и оттого становится лишь более правдоподобной. Закрепление очень строгого, чёткого конкретного значения является процессом осознаваемым, например, изучение дефиниций. Главным же возражением Айдукевича против классического конвенционализма было то, что фактофиксирующие предложения есть такие же конвенции, как интерпретационные (обычный конвенционализм предполагает не конвенциональную природу фактофиксирующих предложений, что отвергается конвенционализмом радикальным), но принимаются неосознанно. Таким образом, аргумент Айдукевича получает только большее подтверждение. Что и требовалось доказать: отказавшись от строгости и чёткости значений в языке, мы сохранили конвенциональную его природу.

Примечания

1. Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат.